

атрибуции газетных текстов (на примере «Северной почты» 1862–1863 гг.). С помощью традиционных методов текстологического исследования и обращения к эпистолярию удалось установить авторство нескольких анонимных текстов, опубликованных в малоизученный период службы Гончарова в «Северной почте». Решение романиста стать главным редактором газеты Министерства внутренних дел может быть творчески мотивировано: во время работы над «Обрывом» Гончаров стремился познакомиться с внутренней жизнью России и ввел в структуру газетного номера постоянный отдел «Внутренние известия».

Доклад О. А. Воробьевой (Москва) «О программе журнала „Россия, временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств“ Л. А. Мея (1854–1856 гг.)» раскрыл особую тактику, которой придерживался Мей при создании собственного периодического издания: сделать акцент на отделах, которые не обладают потенциальной остротой тем (новости правительства, подвиги армии, искусство, зодчество, музыка и театр), таким образом безобидными разделами закрыв те, что могут привлечь нежелательное внимание цензуры.

Ю. В. Веретнова (Санкт-Петербург) в сообщении «Проекты Литературного музея Пушкинского Дома, посвященные Н. А. Некрасову. От выставки в Музее железных дорог России к 200-летию со дня рождения поэта до интерактивной программы на фестивале „Детские дни“» рассказала, как с помощью подлинников документов и писем сотрудникам музея удалось воссоздать атмосферу железнодорожных путешествий Некрасова.

Уникальный опыт подготовки выставки, инсталлирующей творческую лабораторию поэта, представила М. А. Михайлова (Ярославль) в докладе «Литературная экспозиция в „Карабихе“ к 200-летию Н. А. Некрасова: от идеи к воплощению». В основу экспозиции легли 11 произведений Некрасова, написанных во время пребывания в Карабихе.

Завершилась конференция презентацией А. Е. Оторочкиной (Ярославль) «Сборник „Карабиха“ — научно-издательский проект с 30-летней историей», подробно описывающей историю развития издания.

© *Е. М. Филиппова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-284-287

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА»

2 марта 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась научная конференция, приуроченная к 160-летию со дня рождения Ф. Сологуба. Помимо научной части, собравшей исследователей русского модернизма из Санкт-Петербурга, Москвы, Астрахани, Томска, а также США, в рамках конференции состоялась передача инспекторской шпаги Сологуба, хранившейся у Е. Г. Щуко, внучки О. Н. Черносвитовой (урожд. Чеботаревской), в фонд Литературного музея ИРЛИ.

Первое заседание открыл доклад Ю. Е. Галаниной (Санкт-Петербург) «К истории постановок пьесы Ф. Сологуба „Победа смерти“», в котором творчество Сологуба 1900-х годов было введено в контекст театральных исканий начала XX века, поясняющих некоторые особенности его ранней драматургии и театральных взглядов, включая критическое усвоение трудов европейской теории сценического искусства. В частности, положение Г. Крэга о единовластии режиссера в театре вызвало протест Сологуба: в статье «Театр одной воли» он писал о недопустимости вторжения режиссера в текст драматического произведения, о единовластии автора или чтеца, бесстрастно

читающего со сцены все ремарки пьесы («сценические пояснения»: название, имя автора, перечни действующих лиц, описание обстановки и пр.). Считая актера в абсолютном подчинении авторской воле драматурга, Сологуб распространяет это на требование повышенной выразительности сценической игры, позволяющей, по желанию автора, придавать разрешению конфликта противоположный смысл: освобождение героини пьесы «Победа смерти» Альгисты вместо ее гибели.

А. Б. Стрельникова (Томск) посвятила доклад «Сущность и назначение литературы: художественная концепция Ф. Сологуба» исследованию концепции литературного творчества, а также сопряженных с ней концепций чтения и поэтического языка, нашедших отражение в художественных и несобственно-художественных (критических и публицистических) высказываниях символиста. Согласно Сологубу, творчество единственное противостоит омертвлению окружающего мира; искусство и литература удерживают человека от скальзывания в мир животный и позволяют создавать собственные миры, альтернативные данному. Открывающееся в творческом процессе поэту-модернисту иное метафизическое

измерение является пространством культуры, в котором одновременно сосуществуют образы всей мировой литературы. Приоритетность мира искусства относительно мира сущего возводит литературу в статус новой религии, что обуславливает невозможность разделения этики и эстетики. Сопричастным миру культуры оказывается читатель-писатель, который, в отличие от читателя-критика или «простого» читателя, способен превратить данное в произведении информационное сообщение в собственный духовный опыт. За литературой признается мощнейший гносеологический потенциал, поскольку художественная проза и поэзия не только закрепляют уже существующие языковые формы и смыслы, но и способствуют обогащению новыми: в языковых экспериментах, проводимых в рамках собственной творческой лаборатории, Сологуб по-своему предвосхитил открытия футуристов и обриутов.

В докладе Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург) «Сон Серафимы Павловны: о Сологубе» рассматривалась специфическая сфера рецепции творческой личности Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской, получившая текстовое выражение в литературном жанре «снов». На материалах личного архива Ремизовых исследовательница раскрыла вклад в развитие жанра сновидений супруги писателя С. П. Ремизовой-Довгелло, в частности записавшей в 1909 году свой сон, героем которого стал Федор Сологуб. Впервые литературная обработка этого бытового документа была введена в корпус художественных произведений Ремизова в седьмом томе Собрания сочинений (М.: Русская книга, 2002). Текст публиковался по первой и единственной печатной редакции, зафиксированной на страницах рижской газеты «Слово» в 1925 году в составе цикла, озаглавленного Ремизовым «Мои сны: Литературные». В ходе доклада был описан круговой путь текста: от документа бытовой культуры через литературную форму — к биографическому документу, статус которого сон С. П. Ремизовой-Довгелло получил в результате ремизовской обработки материалов ее архива, проведенной писателем во второй половине 1940-х годов. На основании текстологического анализа трех вариантов сна докладчица продемонстрировала смещения смысловых доминант и привнесенные Ремизовым в содержание дополнительные коннотации. Отдельное внимание Обатнина уделила поздним комментариям Ремизова к сновидению о Сологубе, в силу психологических мотивов 1945 года, искавших реальную историю отношений двух писателей. Были представлены также два неизвестных автографа Сологуба и Чеботаревской, свидетельствующие о частых контактах с Ремизовыми и единодушном восприятии окружающей постреволюционной действительности в 1919 году.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) в выступлении «Ф. Сологуб и Г. Чулков» рассказала об истории взаимоотношений двух писателей. Описание встреч и личные связи зафиксиро-

ваны в мемуарах Чулкова, который первый (и единственный) опубликовал столь обширный текст о символизме после его смерти в советском издании (Звезда. 1928. № 1). Для воссоздания всей картины отношений привлекаются письма и рецензии писателей. Часть деталей реконструируется по записям в дневнике жены Г. Чулкова, Н. И. Чулковой, где нашли отражение ее непосредственные впечатления и зачастую те же события представлены в ином освещении.

Еще одному современнику был посвящен доклад Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) «Ф. Сологуб и В. Гиппиус: к истории отношений», построенный на архивных материалах, документирующих историю взаимодействия Федора Сологуба и одного из первых русских декадентов — Владимира Гиппиуса. В частности, неопубликованная заметка Гиппиуса «Суровый мечтатель», о Сологубе и его выступлении с чтением лекции «Искусство наших дней» в концертном зале Тенишевского училища 1 марта 1913 года, наглядно показывает, как воспринимался читательской аудиторией крупнейший русский символист в 1910-е годы. Рассуждения Гиппиуса о лекции Сологуба, где ставился вопрос о сущности искусства и его задачах в современном обществе, были рассмотрены в контексте размышлений писателя на данную тему в этот период. Очевидно, Гиппиус не мог не отозваться на публичное слово Сологуба в защиту символизма как мировоззрения и художественного метода, поскольку он находился в поле зрения младшего современника на протяжении всего творческого пути и сыграл важнейшую роль в его самоопределении. В докладе были использованы материалы переписки литераторов, которые пополняют их творческие биографии и служат иллюстрациями к ряду эпизодов периода становления и развития символизма в России. В прениях докладчица и слушатели отметили сложный почерк Вл. Гиппиуса, которым сделаны записи его мемуаров.

Джейсон Меррилл (США) представил исследование «Ф. Сологуб в англоязычных антологиях 1970–2015 годов» о месте Федора Сологуба в англоязычных литературных антологиях после 1960 года. Этот период особенно важен, поскольку в конце 1950-х годов интерес к русскому языку и литературе в англоязычном мире, по большей части в США, вырос астрономически. В первой половине 1960-х годов появилось несколько докторских диссертаций и научных статей, посвященных Сологубу, были подготовлены новые переводы его ключевых работ. Произведения Сологуба появились в нескольких новых типах специализированных антологий. Меррилл рассказал об одном конкретном типе: сборниках стихов, отредактированных и переведенных составителями, которые также были поэтами. Двое из троих знали русский язык, и один был специалистом по жизни и творчеству Сологуба. Все трое описывают свой подход к переводу стихов схожим образом: ставят поэтичность выше буквального

соответствия. Ученые и читатели, знавшие русский язык, которых после 1960-х годов стало гораздо больше, обычно возражали против таких «поэтических переводов», что усугубляло разногласия в ходе современных споров о целях перевода, особенно поэзии.

Главный редактор издательства «Вита Нова» А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург) презентовал участникам конференции новую книгу: сборник рассказов, новелл, легенд Ф. Сологуба «Земные дети» (2023), куда вошли одни из лучших произведений писателя малого жанра. Неотъемлемой частью фолиантов серии «Рукописи» являются иллюстрации, созданные специально для каждой книги современными художниками. В графической форме свое восприятие и понимание Ф. Сологуба выразил заслуженный художник Российской Федерации В. А. Мишин. Рассказы снабжены комментариями, которые в свою очередь также частично визуализированы.

В докладе Л. В. Евдокимовой (Астрахань) «О пушкинском мифе Ф. Сологуба» было показано, что сологубовская манифестация пушкинского мифа стала одним из проявлений «жизненного пушкинианства» (И. Паперно) писателей Серебряного века, которым было свойственно проводить параллели между своей жизнью и жизнью Пушкина или людей из его окружения. В качестве мифолога Пушкинского мифа Сологуба выступают имена собственные самого автора. Исключительный характер взаимодействия псевдонима и автонима Ф. Сологуба (Ф. К. Тетерникова) выразился в том, что каждое имя идентифицирует какой-либо аспект (или компонент) мифотворческого пространства Сологуба, определяющий вектор отношения к Пушкину. Псевдоним отличался лишь долготой одного звука от фамилии прозаика XIX века, графа В. Соллогуба, и актуализировал связь с пушкинской эпохой. В эссе «Демоны поэтов» мотивы гармоничного соотношения литературы и жизни, мотив искушения Пушкина просматриваются как аллюзии к «Воспоминаниям» В. Соллогуба (в частности в финале). Совпадение имени и отчества поэта, Федор Кузьмич, с именем известного старца, который воспринимался как добровольно ушедший с престола Александр I, также могло стать катализатором полемики с Пушкиным, так как легенда о старце привнесла новые нравственные и эстетические оттенки в конфликт поэта и царя. Общность имени со старцем обусловила некоторые особенности художественного мира Сологуба, направленные против эстетики Пушкина: лирическое «я» в образе странника, сюжет о царе, пребывающем в не соответствующий сану обстоятельствах, образ поэта-царя в метафорическом и прямом смыслах.

В сообщении «Ф. А. Васильев-Ушкуйник — исследователь творчества Ф. Сологуба» В. В. Филочева (Санкт-Петербург) рассказала об одном эпизоде изучения наследия писателя в 1930-е годы. Васильев-Ушкуйник (наст. фам. Васильев) окончил Петербургский учитель-

ский институт, занимался изучением литературы (см.: «Пушкинские уголки Псковской губернии», 1924), после смерти Сологуба обратился к изучению его жизни и творчества, потому что «почувствовал себя обязанным возложить венок на могилу покойного поэта». Опираясь на наблюдения, полученные в архиве писателя, а также собранные им воспоминания «институтцев» и жителей Великих Лук, Васильев написал статью «Ф. Сологуб в работе над „Мелким бесом“». Сохранившиеся тезисы доклада, который был представлен в научных организациях Москвы (ГАХН, Музей им. А. П. Чехова), и письма В. И. Анненкову-Кривичу, В. Д. Бонч-Бруевичу, Н. К. Гудзию позволяют реконструировать ход работы над статьей и воссоздать ее содержание.

А. Л. Соболев (Москва) в докладе «Еще раз о несостоявшейся эмиграции Ф. Сологуба» составил хронику событий 1921 года, когда поэт вместе с женой пытались выехать за границу. Новые архивные материалы, в частности документы из РГВА, позволили дополнить имеющиеся сведения об этом периоде жизни Сологубов. Знакомство с Л. Д. Троцким, Л. Б. Каменевым, А. В. Луначарским позволило обращаться к ним за ходатайством не только относительно своих паспортов и виз, но о документах для Г. Л. Лозинского. Однако различные препятствия (ограбление квартиры, отказ в обмене советских денег на золотые червонцы, отзыв паспортов и, наконец, болезнь Ан. Н. Чеботаревской) помешали осуществить выезд.

В докладе «Ф. Сологуб в дневнике Е. П. Казанович» А. В. Востриков (Санкт-Петербург) и М. М. Павлова (Санкт-Петербург) представили новые мемуарные свидетельства о Федоре Сологубе, извлеченные из хранящегося в Отделе рукописей РНБ дневника Евлалии Павловны Казанович (1885–1942). Основная часть записей относится к 1920–1923 годам; диаристка фиксирует в них встречи с Сологубом — в Неофилологическом обществе на докладе С. А. Полякова о дуэли и смерти Пушкина (12 декабря 1920 года), вечере памяти А. Блока в Пушкинском Доме (2 сентября 1922 года), и др.; записывает содержание выступлений Сологуба (эти тексты в архиве писателя не сохранились) и отдельные, по большей части эпатажные, высказывания о А. Белом, В. Брюсове, А. Блоке и Пушкине; пытается составить мнение о личности писателя. Итогом этих встреч явился автограф Сологуба в «альбоме» Казанович — собрании автографов в подарок Пушкинскому Дому, получившем широкую известность благодаря первой записи — «прощальному» стихотворению А. Блока «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...» (1921). Сологуб оставил в альбоме четыре строфы из первой части своей незаконченной «пушкинской» поэмы «Казарин» (1920, 1927). По наблюдению докладчиков, дневниковые записи Казанович тесно соотносятся с записями бесед с Сологубом П. Н. Медведева (1925–1926) и В. В. Смирнского (1926), более всего — с воспоминаниями Е. Я. Данько (1927). Вве-

денные в этот контекст мемуары Казанович позволяют составить более цельное представление о писательском и человеческом облике позднего Сологуба.

В заключительном выступлении «Один из последних собеседников Федора Сологуба: К биографии А. П. Могилянского (1909–2001)» М. П. Лепехин (Санкт-Петербург) рассказал и о своем общении с историком русской литературы, текстологом и библиографом, а также

поклонником поэзии символиста А. П. Могилянским, сопроводив историю необходимыми сведениями о жизни исследователя. Основываясь на его устных воспоминаниях середины 1990-х годов, докладчик передал впечатления от двух встреч Могилянского с Сологубом в 1927 году.

© В. В. Филичева

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-287-289

ХII КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС»

16–18 марта 2023 года состоялась очередная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс», организованная филологическим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова. Мероприятие прошло в гибридном формате — участники и слушатели присутствовали как очно, так и дистанционно. Очная часть стала возможной благодаря Государственному литературному музею имени В. И. Даля, предоставившему площадку для заседаний, и лично К. В. Сарычевой.

На конференции выступили докладчики из Москвы, Новосибирска, Екатеринбургa, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, а хронология тем охватила диапазон от древней литературы до эпохи СССР; прозвучали две лекции — Я. З. Гришиной о М. М. Пришвине и С. Н. Гуськова о И. А. Гончарове; состоялся круглый стол, посвященный повести Л. Н. Толстого «Альберт».

А. А. Наширбанов (Новосибирск) в докладе «К вопросу о текстологии Слова о Тиверии-кейсаре» проанализировал 23 списка памятника и выделил две основные его редакции — «болгарскую» и «русскую», рассмотрел генеалогию Слова, затронул вопрос его бытования и взаимоотношений с другими апокрифами, связанными с Никодимовым Евангелием.

В сообщении «Славянский перевод „Константинова дара“: история смешанной редакции» В. О. Пашкова (Москва) уточнила текстологию этого подложного акта, приписываемого Константину Великому: определила новую стадию формирования смешанной редакции и проследила ее дальнейшую судьбу.

В докладе М. А. Зенковой (Москва) «Семь свободных искусств в древнеисландской Slepnens saga: латинская книжность в переводческой традиции средневековых исландцев» говорилось о содержательных изменениях, которые исландские книжники производили при переводе.

М. М. Орловская (Москва) разъяснила нарративную стратегию повествования о Торф-Эйнаре как первом ярле Оркнейских островов. Исследовательница проанализировала специфику легитимации власти Торф-Эйнара и его потомков, сравнила рассказы о нем в «Саге об оркнейцах» и «Круге Земном», сопоставила повествование с сюжетами о Харальде Прекрасноволосом.

В сообщении «Висы Торф-Эйнара: особенности композиции» М. О. Стражников (Москва) рассмотрел все пять вис в «Саге об оркнейцах», их связь с прозаическим окружением, а также затронул вопрос об авторстве вис.

В докладе «Непроизнесенные проповеди Стефана Яворского как феномен историко-литературного процесса переходной эпохи» А. И. Попович (Екатеринбург) описал авторскую работу с черновиками проповедей, восстановил историко-литературный контекст создания проповедей, сеть источников, предложил интерпретацию сочинений.

О судьбе сочинений Симеона Полоцкого в последней четверти XVII — XX веке поведала А. А. Преображенская (Москва). Общее представление о том, что сочинения Полоцкого исчезли из оборота после 1690 года, когда были запрещены на церковном соборе, оказалось ошибочным: списки, выписки и переиздания появлялись в более позднее время.

Е. В. Гайдукова (Санкт-Петербург) прочитала доклад о прагматике и контексте «Наставления младенцам» А. П. Сумарокова. Она установила, что текст составлен таким образом, чтобы воспитывать не образованного человека, а «правильного» подданного, и описала способы, которые Сумароков предлагал для воспитания в читателе нравственных качеств.

Второй день конференции открыла А. А. Полякова (Санкт-Петербург) докладом «К вопросу об источниках стихотворного наброска А. С. Пушкина „Полюби меня, девица...“ (1829)», где отметила фольклорную ориентацию